

Дело было не в привередливости. Гу Хуайцин от природы любил чистоту. Промахавшись целый день, пропотев и покрываясь пылью, он не смог бы уснуть, не смыв с себя всю эту грязь.

Скинув одежду, он погрузился в дымящуюся воду, закинул голову на край бочки, вытянул длинные конечности, давая отдых уставшим за день мышцам.

Тщательно отмывшись, Гу Хуайцин вытерся полотенцем, накинул свободный халат, кое-как завязал его на талии и распахнул окно с дверью, чтобы впустить свежий воздух.

По иронии судьбы, напротив поселились Ло Цинь с другим гвардейцем. Звуки заказа воды и плескания из соседней комнаты Ло Цинь слышал отчётливо. Сон как рукой сняло. Стоило ему задремать, как оттуда вновь доносилось бульканье, и он ворочался, не в силах уснуть.

Скорчив гримасу, Ло Цинь вышел в коридор. И как назло, дверь напротив распахнулась, явив взору только что выкупавшегося Гу Хуайцина. Тот был в лёгком белом халате. Кожа, впитавшая влагу, казалась ещё более гладкой и сияющей, словно спелый персик. Мокрые чёрные волосы струились по спине до талии, несколько прядей спутались, и Гу Хуайцин неторопливо расчёсывал их деревянным гребнем.

У Ло Циня от возмущения язык заплетаться перестал. «Господин Гу вечно наряжается да прихорашивается, прямо как баба!» — вырвалось у него.

Слово задело за живое. Гу Хуайцин нахмурился, с глухим стуком швырнул гребень на пол, засучил рукава и холодно усмехнулся: «Баба я или нет — подойди, проверь!»

С этими словами он легко встал в боевую стойку и презрительно поманил Ло Циня пальцем.

Ло Цинь, сорвавшись, уже пожалел, но отступить было некуда. С громким криком он ринулся вперёд, нанося удар ладонью.

Выходец из семьи военных, с детства погружённый в традиции боевых искусств, Ло Цинь был талантлив и усерден. Его навыки выделялись даже среди гвардейцев, и он считался одним из самых перспективных. Удар был стремительным и мощным, он уже почти достигал груди Гу Хуайцина. Но в тот миг, когда пальцы Ло Циня почти коснулись ткани халата, Гу Хуайцин двинулся. Его действия были столь быстры, что глаз не успевал уследить. Ладонь ловко перехватила запястье атакующего, рванула влево, затем развернула. Ло Цинь, видя перед собой лишь мельтешню, с глухим всплеском шлёпнулся в ту самую бочку с водой, мгновенно промокнув насквозь.

Но и этого Гу Хуайцину показалось мало. Усмехаясь, он надавил на макушку Ло Циня, удерживая того под водой несколько томительных мгновений, прежде чем разжать пальцы.

Ло Цинь с шумом вынырнул. Вода ручьями стекала с его одежды. Пусть вода и не была грязной, одна мысль, что это — вода из ванны Гу Хуайцина, вызывала у него тошноту.

«Ну что? Кто тут баба?» — ехидно спросил Гу Хуайцин.

«Ты... ты подлостью взял!» — Ло Цинь трясся от ярости, лицо побагровело от нехватки воздуха. Он выпрыгнул из бочки. «Это не считается! Ты меня подловил! Давай снова!»

«Заткнись!» — у двери возник Дуань Минчэнь, и его голос прозвучал, как удар хлыста.

Услышав насмешку Ло Циня, Дуань Минчэнь сразу понял, чем это кончится, и бросился

предотвращать. Но опоздал — успел лишь увидеть, как его подчинённый шлёпается в бочку.

Впрочем, Гу Хуайцин ограничился лишь этим унижительным, но не опасным уроком, и Дуань Минчэнь внутренне выдохнул. Он и сам замечал, что неприязнь Ло Циня к Гу Хуайцину была беспричинна и даже нарочита. Пусть получит встряску.

Но Ло Цинь, явно уступая в мастерстве, лезл из кожи вон, чтобы доказать обратное. Боясь, что тот окончательно взбесит Гу Хуайцина, Дуань Минчэнь пресёк это.

Потерпевший поражение Ло Цинь, увидев старшего, ожидал поддержки. Каково же было его изумление, когда Дуань Минчэнь не только не вступился, но и строго оборвал его, а затем вежливо извинился перед Гу Хуайцином: «Прости за его глупые слова. Будь великодушен, не принимай близко к сердцу».

«Брат, я же...» — попытался оправдаться Ло Цинь, но Дуань Минчэнь остановил его ледяным взглядом.

«Проиграл в честном бою, но язык не унимаешь. Кто тебя так воспитал? Немедленно марш в комнату! И если ещё слово скажешь — можешь больше ко мне не обращаться».

Дуань Минчэнь говорил сурово, и последние слова прозвучали особенно жёстко. Ло Цинь съёжился и не посмел больше пикнуть. Он знал: брат редко гневается, но уж если разойдётся — мало не покажется.

Прикусив язык, мокрый и жалкий, Ло Цинь побрёл к себе, громко хлопнув дверью.

Дуань Минчэнь, глядя ему вслед, тихо вздохнул. Ло Цинь был младшим среди братьев по службе. Отпрыск знатного рода, единственный сын. Ему и в Гвардии-то служить не было нужды — карьера и так обеспечена. Но с детства он горел любовью к боевым искусствам, и, пленённый могуществом Гвардии в парчовых халатах, упросил семью позволить ему вступить в её ряды.

На службу он пришёл в семнадцать. Молодой, горячий, он быстро стал своим. Все относились к нему как к младшему брату, опекали. Ло Цинь не подводил, отлично справлялся с заданиями, и к двадцати годам дослужился до тысячника пятого ранга. Знатный юноша, рано познавший успех, — заносчивость была почти неизбежна. А встретив ещё более молодого и ещё более гордого Гу Хуайцина, он и вовсе потерял голову.

«Надо будет с ним серьёзно поговорить», — подумал Дуань Минчэнь, а вслух сказал Гу Хуайцину: «Ло Цинь молод и глуп. Прошу, не держи на него зла».

Гу Хуайцин небрежно махнул рукой: «Пустое. Всё равно он мне не соперник. Размялся немного, и ладно».

Услышь Ло Цинь эти высокомерные слова, он бы лопнул от злости. Но это была чистая правда, и Дуань Минчэнь лишь потер переносицу.

Заметив, что Дуань Минчэнь застыл на пороге, Гу Хуайцин пригласил его войти: «Раз уж пришёл, заходи, посидим».

После ванны он собирался спать, потому на нём был лишь просторный шёлковый халат, кое-как перехваченный поясом на талии. Под халатом — ничего. Во время потасовки с Ло Цинем пояс развязался, и полы распахнулись, открывая взору то, что скрывать, пожалуй, стоило.

Взгляд Дуань Минчэня против воли скользнул вниз. Белая шея, изящные ключицы... Распахнутый ворот обнажал участок груди, гладкой и белой, как фарфор, на которой ещё сверкали нестёртые капли воды. Два маленьких, заострённых соска угадывались сквозь тонкую ткань, дразня и маня.

Ещё ниже — тонкая талия, перехваченная тёмно-шёлковым поясом, и из-под подола — отрезок стройной, изящной голени. В отличие от грубоватой мускулатуры взрослого мужчины, тело Гу Хуайцина, не достигшего ещё двадцати лет, сохраняло юношескую стройность. Ноги были длинными, жилистыми, кожа — гладкой, словно нефрит, почти без волос. Но годы тренировок оставили свой след: мышцы были упругими, без лишней бугристости, сочетая в себе силу и грацию.

Картина «красавец после купания» и без того была соблазнительной, а уж когда красавец этот обладал столь демонической внешностью... это и вовсе сбивало с толку.

Дуань Минчэнь поспешно опустил глаза. Внезапно комната показалась ему душной и тесной. Влажный, тёплый воздух, насыщенный запахом мыла и кожи, давил на грудь. Горло пересохло, щёки горели, а по телу разливалось странное, смущающее тепло.

Виновник же смущения не ведал о нём. Увидев странное выражение лица Дуань Минчэня, Гу Хуайцин приблизился: «Что с тобой? В полу что, дырка?»

Дуань Минчэнь, не поднимая глаз, всё равно видел то, что видеть не должен был: босые ноги в деревянных сандалиях, белые, почти прозрачные пальцы, напоминающие свежеччищенные семена лотоса — сочные, будто готовые брызнуть сладким соком...

Он вздрогнул, отшатнувшись от собственной мысли. Поцеловать эти пальцы? Что за безумие?!

Глубоко вдохнув, пытаясь подавить нахлынувшее волнение, он резко отвернулся: «Я вспомнил... неотложное дело. Не буду... мешать. Поговорим в другой раз».

И, не дожидаясь ответа, стремительно вышел, оставив Гу Хуайцина в недоумении.

<http://bllate.org/book/16283/1466858>